

**В.Ю. Панченко. ПРАВОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАК ВИД СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ. М.: Проспект, 2015. 232 с.**

Существование и развитие человеческого общества как сложной социальной системы, первичными элементами которой выступают отдельно взятые индивиды, обусловлено процессами возникновения и изменения многообразных динамических связей между ними. Причем такие связи никогда не бывают односторонними, поскольку какое бы то ни было воздействие одного члена социума на другого с неизбежностью вызывает обратную реакцию (ответное воздействие), образуя тем самым взаимодействие.

Социальные взаимодействия, будучи неотъемлемой частью нашей повседневной жизни, приобретают в разных ее сферах специфические черты, т.е. могут по данному критерию характеризоваться как экономические, политические или иные, в том числе правовые взаимодействия, которые, собственно, и стали предметом рецензируемого монографического исследования.

В юридической науке традиционные подходы недостаточны охватывают и объясняют усложняющиеся социально-правовые процессы. Это обуславливает потребность в дальнейшей научной разработке фундаментальных правовых категорий, способных отразить объективную действительность во всех ее многообразных проявлениях. Именно такое значение имеет рассмотренная в работе В.Ю. Панченко категория правового взаимодействия, ценность которой велика как для теории, так и для практики.

Автором верно указывается, что в юриспруденции понятие “правовое (юридическое) взаимодействие” как вид (форма, тип) социального взаимодействия до настоящего времени не получило должного научного осмысления, несмотря на тот факт, что в нормативных правовых актах, особенно в принимаемых в последнее десятилетие, термин “взаимодействие” используется достаточно часто и в самых разнообразных контекстах” (с. 8).

Монография начинается с анализа понятия “правовое взаимодействие”. В *первой главе* автором рассматриваются подходы к понятию правового взаимодействия, и в результате делается обоснованное заключение о том, что только социальные взаимодействия могут подлежать правовой регламентации (с. 20).

Методологически верным представляется общее описание сформулированных в литературе позиций по проблематике социальных взаимодействий (с. 29, 30), завершающееся определением их общих признаков (способ осуществления общественных связей; взаимный обмен деятельностью; взаимное влияние социальных субъектов; информационный характер), из которого логически вытекает изложение особенностей последних уже применительно к правовым взаимодействиям (с. 31–39). В итоге автором формулируется дефиниция исследуемой правовой категории, согласно которой правовое взаимодействие “представляет собой вид и форму социального взаимодействия, способ осуществления общественных связей через взаимный обмен субъектов юридически значимой деятельностью и (или) ее результата-

ми, посредством которого осуществляется взаимное влияние субъектов права на сознание и поведение (деятельность) друг друга, носящий информационный характер” (с. 40).

Особого внимания заслуживают параграфы, посвященные определению места правового взаимодействия в категориальном аппарате теории права, в частности его отграничению от правоотношения, которое является, вероятно, наиболее близким к нему по исполняемым в юридической науке функциям, и соотношению с весьма широкой по своему объему юридической категорией “правовая жизнь”.

Автору удалось показать взаимосвязь правовых отношений и правовых взаимодействий, которая не ограничивается соотношением “форма – содержание”, но проявляется также в том, что правоотношение может являться целью правового взаимодействия субъектов, его результатом или средством (с. 42–45). При этом интересен вывод о том, что в рамках одних и тех же правоотношений реализуются разные по своему характеру и направленности правовые взаимодействия как обмены юридически значимыми действиями и (или) их результатами: от юридического противодействия или нейтралитета до содержательного юридического содействия реализации прав и законных интересов (с. 53, 54).

По мнению В.Ю. Панченко, категория “правовая жизнь”, отражающая макроуровневое явление, конкретизируется и развивается на микроуровне в категории “правовое взаимодействие” (на промежуточном уровне (мезауровне) можно вести речь о категориях “сфера правовых взаимодействий” или “область (сегмент) правовой жизни”), что позволяет ему перейти к определению потенциала использования описываемой правовой категории в фундаментальных и прикладных исследованиях (с. 74).

Во *второй главе* монографии рассмотрено содержание правового взаимодействия.

В первом параграфе анализируются особые свойства субъектного состава правового взаимодействия. Автор дает общую характеристику понятию “субъект права”, указывая на отдельные проблемные моменты, например отмечая, что “конструкция замещения (восполнения) дееспособности уже длительное время успешно используется в отношении имущественных прав и обязанностей, но, к сожалению, остается малоизученной применительно к правам, свободам, законным интересам неимущественного характера” (с. 77).

Автор поддерживает высказанную в литературе позицию о том, что для правового взаимодействия, рассматриваемого в его простейшей, элементарной форме (виде), наличие двух субъектов, в отличие от иных видов социального взаимодействия, является необходимым, но недостаточным (с. 81), требует участия “третьего”, которым, как правило, выступает “агент суверена”, выделяя при этом информационный (информирование о нормах права и доказывание) и оценочно-действенные каналы такого участия (с. 83).

Во втором параграфе главы, посвященной рассмотрению правовой ситуации как среды и объекта правового взаимодействия, приводится краткая характеристика ситуационного подхода в качестве специфического средства научного исследования (с. 86–89), анализируются позиции ученых по вопросу определения природы и признаков правовой ситуации (с. 90–95).

В.Ю. Панченко предлагает ряд классификаций правовых ситуаций (в том числе по отношению к субъекту правового взаимодействия, по критерию осознания субъектом внешних правовых ситуаций и по адекватности такого осознания, а также по иным основаниям (с. 104)), которые, однако, при всем их многообразии объединены (как объекты правового взаимодействия) общими признаками юридической разрешимости и юридической познавательности (с. 106).

Немаловажное значение имеет система индикаторов изменения правовой ситуации, выделенных В.Ю. Панченко для правового взаимодействия, в числе которых: государственная оценка правового взаимодействия в правовой ситуации в каждом модуле (стадии) в качестве правомерного или неправомерного и степень удовлетворенности интересов субъектов той или иной государственной оценкой; процедурная возможность государственной переоценки (повторной оценки) взаимодействия и ожидание такой переоценки; промежуточность или окончательность того или иного модуля правовой ситуации (с. 113).

Автор анализирует и уточняет уже имеющиеся в литературе подходы к пониманию структуры правовой деятельности, после чего переходит к видам структурных связей на уровне продуцирования по ролевым позициям субъектов и связям между этими позициями в правовых взаимодействиях, выделяя: взаимное правовое воздействие; связи обмена правовыми деятельностями, приводящего к определенному результату именно взаимодействия, а не индивидуальных правовых деятельностей (общего правового продукта как результата общего правового продуцирования); уровень отношений между правовыми интересами и правовыми целями участников правового взаимодействия (с. 129–131).

По итогам подробного описания всех возможных вариантов структуризации правового взаимодействия автор формулирует правило, согласно которому “отношения между правовыми целями выступают теми его структурными элементами, которые одновременно придают смысл всем взаимным правовым действиям, определяют развитие конкретного правового взаимодействия с субъективной стороны (со стороны факторов правовой ситуации, зависящих от сознания и воли участников), а на предельном уровне обобщения выступают критериями выделения своего рода “мегатипов” правовых взаимодействий – содействия (взаимодействие с полным или частичным совпадением правовых целей) и противодействия (взаимодействие с полным или частичным противоречием правовых целей)” (с. 145).

В заключительной, *третьей главе* монографии характеризуются различные виды правовых взаимодействий. При этом В.Ю. Панченко указывает, что к правовым взаимодействиям применимы с определенными оговорками практически все классификации социальных взаимодействий, предложенные в философии, социологии, психологии и иных науках, и более подробно останавливается на тех из них, которые “нуждаются в более детальном, основательном описании, поскольку схватывают сущностные черты различных видов правовых взаимодействий как явлений реальной правовой жизни” (с. 150).

В частности, анализу подвергаются виды правовых взаимодействий, выделяемые по месту в правовом регулировании (правотворческие и правореализационные); по силе правового действия (слабые и сильные); по пространственно-временному характеру взаимосвязей между участниками (непосредственные и опосредованные); по особенностям возникновения и развития (принудительные и непринудительные); по отношению правовой деятельности одного участника к правовой деятельности другого участника правового взаимодействия (юридическое противодействие, юридическое содействие и юридический нейтралитет); по признаку институализации (институализированные и неинституализированные) (с. 151–168).

В.Ю. Панченко обоснованно расставляет акценты при разграничении смыслов смежных понятий, которые используются для обозначения взаимодействий по типу содействия и их применимости к правовым взаимодействиям, таким как диалог, консенсус, сотрудничество (с. 162), что проясняет авторскую позицию и позволит в дальнейшем избегать терминологических споров.

В качестве парных правовых категорий автор рассматривает такие типы правового взаимодействия, как правовое содействие и правовое противодействие, отмечая следующее: “метод парных категорий может и должен подключаться к арсеналу познавательных средств и тогда, когда на старте исследования одна из антиномий изучена в достаточной степени, а о второй имеются неполные, фрагментарные знания, помогающие достраивать “от противного” отдельные неизученные или слабоизученные свойства этого второго явления” (с. 174).

В результате применения описанного выше подхода в работе формулируется система сущностных черт обоих правовых явлений, причем как общих (обладают всеми признаками правовых взаимодействий; имеют единый, но в то же время расчлененный объект воздействия; несут в себе социально позитивный смысл; наделены общей целевой направленностью; имеют внутреннюю (способы) и внешнюю (проявления, отраженные в законодательстве) формы; при их осуществлении используются юридические (правовые) средства), так и специальных (с. 191).

Автор резюмирует, что юридическое содействие и юридическое противодействие представляют собой идеальные типы противоположных деятельностных реакций одних субъектов права на правовую деятельность других, взятые на предельном уровне обобщения (с. 186).

В *заключении* автор кратко формулирует основные результаты исследования, что позволяет еще раз проследить логику изложения и понять закономерности получения тех или иных выводов.

Вместе с тем, как и всякая творческая работа, рецензируемая монография содержит дискуссионные положения.

Во-первых, на с. 48, 49 указывается, что “степень выраженности юридического содействия в правовом отношении определяется тем, насколько его конструкция на этапе установления и в процессе развития позволяет учитывать, наряду с субъективными юридическими правами и обязанностями, законные интересы управомоченного или обязанного лица”. Однако не вполне ясными остаются моменты, связанные с механизмом определения подобной “концентрации” юридического содействия в правоотношении (т.е. какой минимальный объем законных интересов и какого качества (в том числе по форме выражения и содержанию) достаточно принять ко вниманию, чтобы констатировать наличие юри-

дического содействия), а также касающиеся системы координат (т.е. того, какой субъект уполномочен давать оценку юридически значимым действиям, чтобы выявить “степень выраженности юридического содействия”) и целей установления этого показателя (т.е. на что могут повлиять те или иные умозаключения, каковы юридические и (или) фактические последствия определенных выводов).

Во-вторых, высказанное автором предложение о закреплении юридической обязанности правоприменителей учитывать законные интересы граждан в публично-правовых отношениях (с. 52) требует дополнительной конкретизации порядка ее реализации, поскольку, как видится, введение нормы в указанном (достаточно абстрактном) виде будет иметь лишь декларативный характер, не повлечет необходимых изменений в правовой жизни общества.

В-третьих, не совсем однозначными выглядят отдельные положения работы, касающиеся субъектного состава правового взаимодействия. Так, автором на с. 75 утверждается, что “деятельность как специфически человеческая форма активности присуща только людям и не характерна для организаций, органов и иных социальных субъектов в отрыве от человека”; в параграфе, посвященном субъектам правовых взаимодействий, дается подробнейшая характеристика статусу физических лиц (с. 75–85); многие признаки исследуемой в монографии правовой категории раскрываются применительно к носителям воли и сознания (например, на с. 103 приводится описание “внутренней правовой ситуации субъекта” как состояния “внутреннего мира человека”). При этом признается, что в правовом взаимодействии “в качестве “третьего” может выступать любой социальный субъект – отдельная личность, общность, объединение людей, государство в целом, а в отдельных случаях и стихийные социальные образования (толпа)” (с. 82); в ходе рассмотре-

ния типов правовых взаимодействий подчеркивается, что “можно говорить о правовом сотрудничестве и правовых конфликтах граждан, юридических лиц, органов публичной власти, государств, муниципальных образований, должностных лиц и других субъектов права “одного уровня”, обладающих сопоставимой по характеру и объему компетенцией, соразмерными ресурсами в правовом взаимодействии между собой” (с. 163). Тем самым возникают закономерные вопросы, с одной стороны, о взаимной согласованности и обусловленности представленных тезисов, а с другой – об универсальности категории “правовое взаимодействие”, т.е. о возможности ее равноценного применения для объяснения и оценки тех или иных процессов с участием коллективных субъектов права.

В целом же рецензируемая монография является примером высококачественного комплексного научного исследования, отличающегося предельной степенью обобщения затронутой проблематики, сопровождающегося детальной проработкой ключевых вопросов заявленной темы. Книга вносит существенный вклад в развитие правовой теории и юридической практики, способна стать методологическим руководством для дальнейших научных изысканий в этой предметной области.

**Александр Васильевич Малько, директор Саратовского филиала Института государства и права РАН, доктор юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ (E-mail: i\_gp@ssla.ru)**

**Alexander Mal'ko, the Director of the Saratov branch of the Institute of state and law of Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor, honored scientist of the Russian Federation (E-mail: i\_gp@ssla.ru)**